

AD MEMORIAM

DOI 10.24412/2076-8176-2025-3-165-177

Марк Бойер Адамс (1944–2024)

Даниэл Тодес

Университет Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University, JHU), Балтимор, США;
dtodes@jhmi.edu

Перевод с английского Натальи Романовой, Элеоноры Филипповой

Марк Адамс был чрезвычайно творческим ученым и синтетическим мыслителем, оставившим богатое научное наследие; преданным делу, одаренным и вдохновляющим учителем, а для тех, кто знал его близко — незабываемой, блестящей интеллектуальной личностью.

«Вся суть — в путешествии» — сказал он мне однажды, воплотив в этих словах свое понимание смысла жизни ученого в постоянном поиске, переосмыслении и развитии идей. Как предполагаемое «царство разума», университет был его «домашним очагом надежд и устремлений», но воодушевлял его сам интеллектуальный поиск; процесс открытий, дискуссии и размышления; взаимоотношение идей, истории и глубоких проблем, изучаемых историй науки.

Его жизнь состояла из сменяющих друг друга периодов всепоглощающей, удивительно насыщенной творческой научной работы и внешне малоактивного времени (он называл его «хандрой») — но он всегда оставался увлеченным учителем, генератором идей и проникательным щедрым читателем рукописей своих коллег. Он был блестящим рассказчиком, имитатором и собеседником с огромной эрудицией и восхитительным, жизнеутверждающим чувством юмора. Он жил со страстью в соответствии со своими собственными принципами — воплощая образ «своеобразного человека», как говорят русские.

На протяжении многих лет Марк поддерживал тесные дружеские и коллегиальные отношения по всему миру, и все мы знали его по-разному. Он был моим

научным руководителем, затем близким другом и интеллектуальным собеседником на протяжении почти 50 лет. Я начну с краткого биографического контекста, затем поделюсь некоторыми личными воспоминаниями и размышлениями и посвящу большую часть этого эссе его интеллектуальному поиску и научному наследию.

Младший из двух сыновей в семье среднего класса, Марк вырос в Энн-Арбор, штат Мичиган, в эпоху Спутника и Холодной Войны. Его брат был спортсменом звездой, а он «ботаником» — заядлым читателем научной фантастики, научно-популярной литературы и истории. Темой одного из докладов в шестом классе он выбрал «Русскую историю». Эмигрант князь Лобанов-Ростовский, сосед и профессор Мичиганского университета, попотчевал его памятным двухчасовым ускоренным курсом. Марк также играл на фортепиано, сочинял музыку и (как и многие будущие историки) был заядлым участником формальных школьных дебатов в старших классах¹.

Его академическая карьера развивалась в Гарвардском университете (степень бакалавра в 1966 г., степень доктора философии в 1973 г.) и Пенсильванском университете (преподаватель с 1970 по 2014 г.), а в интеллектуальном отношении — в изучении истории науки в России и Советском Союзе.

К концу второго года обучения в Гарварде Марк столкнулся с проблемой выбора специальности. «Как, думал я, выбрать область, которая позволила бы мне заниматься исследованием всего, что меня интересует (наука, общественные и гуманитарные науки, биология, Россия, научная фантастика, литература, музыка)?»². По совету своей подруги Полли Уинзор, он прослушал новый курс Эверетта Мендельсона «Наука и общество»³. Подход и личность Мендельсона, а также новая кафедра «История и наука» в университете Гарварда, обеспечили основу для реализации его разнообразных интересов. «Эверетт каким-то образом передавал ощущение, что он делится чем-то захватывающим. Это был мастер-класс, который оставил глубокий след ... Это был не "отдельный курс", а обширная программа»⁴.

Он остался в Гарварде для учебы в аспирантуре с Мендельсоном в качестве научного руководителя, выбрав предметами специальности «Историю России» и «Биологию». Мендельсон стал образцом для него: «Он преподавал на более высоком уровне: задавая вопросы... он хвалил, поощрял и искусно обобщал результаты работы [студентов], а затем побуждал их углубиться в культуру, учреждения, связи, общество и условия, в которых идеи возникли»⁵.

Марк посещал курсы выдающихся гарвардских ученых Г. Г. Симпсона, Джорджа Уолда и Э.О. Уилсона; сблизился с другим, Стивеном Дж. Гулдом, и продолжил работу в выбранной им области Биология с еще одним — зоологом и центральной фигурой в «эволюционном синтезе», Эрнстом Майром. «Я думаю... он увидел во мне человека, которого он мог не только обучить, но и того, кто мог бы разработать тему роли

¹ Из неопубликованной Автобиографии.

² Автобиография.

³ Эверетт Ирвин Мендельсон (англ. Everett Irwin Mendelsohn) — американский историк науки, специалист по истории биологии. Был профессором истории науки Гарвардского университета, где работал с 1960 г. до выхода на пенсию в 2007 г.

⁴ Adams Mark B. Beginnings: Everett Mendelsohn, 1963–1973 // *Journal of the History of Biology*. 2023. № 56. P. 583–590; ссылка на с. 583, 587.

⁵ Там же, с. 587.

российских ученых в историческом развитии «эволюционного синтеза», над которым он сам работал. Какими бы ни были его причины, его поддержка оказалась чрезвычайно полезной»⁶.

В эти годы История Науки становилась академической дисциплиной и отходила от так называемых «интерналистских» традиций к более контекстуалистскому, «экстерналистскому» подходу. Гарвард готовил ведущих ученых следующего поколения в области Истории Биологии, некоторые из которых стали друзьями Марка на всю жизнь (в том числе Гар Аллен, Билл Коулман, Полли Уинсор и Фрэнк Суллоуэй — с последним он провел «экстраординарное лето» в 1968 г., следуя по стопам Дарвина на Галапагосских островах и в Южной Америке).

В 1970 г., еще работая над своей докторской диссертацией, Марк был назначен лектором на новом факультете Истории и Социологии Науки Пенсильванского университета, который, под руководством Арнольда Такрея, стал центром «экстерналистской» традиции в США. Его первый курс назывался «Возникновение научной фантастики». Легендарный среди студентов Пенсильванского университета этот курс был первым в США университетским курсом, в котором научная фантастика использовалась для введения в историю науки⁷. Затем последовали курсы «Биология и общество», «История евгеники» и «История российской науки». Преданный своему делу, харизматичный и чрезвычайно популярный преподаватель, Марк был удостоен университетской премии Линдбэка за выдающееся преподавание (1984) и на протяжении многих лет получал глубокое удовлетворение от постоянного потока теплых писем от бывших студентов. В качестве заведующего кафедрой для студентов бакалавриата он много сделал для того, чтобы превратить кафедру в популярную, высоко качественную по интересам для студентов среду. Он внес незабываемый вклад в центральную часть жизни факультета, the Workshop, — захватывающие еженедельные семинары для студентов и профессоров с приглашенными докладчиками. Он оставался в Пенсильванском университете на протяжении всей своей карьеры вплоть до выхода на пенсию в 2014 г.

Помимо Гарвардского и Пенсильванского университетов, была, конечно, Россия. Марк впервые посетил Москву для участия в Международном конгрессе исторических наук (1970) и затем вернулся туда на год в 1976–1977 гг. для исследовательской работы. Его первоначальные попытки получить доступ к архивным материалам о советских генетиках были заблокированы бюрократией, пока письмо Э. Майра его русским коллегам не открыло эту дверь. В результате, Марк познакомился с двумя важными фигурами в истории советской генетики, А.Е. Гайсиновичем и Н.Н. Воронцовым. Они, в свою очередь, познакомили его со своими коллегами.

В тот год и во время последующих поездок Марк записывал интервью и собрал огромную коллекцию материалов как из государственных, так и из частных архивов. Много лет спустя он все еще с волнением вспоминал: «Во время последующей

⁶ Автобиография.

⁷ Восторженную реакцию одного студента на этот курс и на преподавателя см. здесь: <https://www.sas.upenn.edu/sasalum/newsltr/fall99/end.html>. Марк собрал коллекцию научной фантастики и литературы о ней из почти 5000 книг, а сейчас она передана в Библиотеку Ван Пелт Пенсильванского Университета под названием «Собрание научной фантастики Марка Б. Адамса». О творческом использовании Марком литературы для понимания взглядов, повлиявших на науку и ученых, см., напр., Red Star: Another Look at Aleksandr Bogdanov // Slavic Review. 1989. V. 48. N 1. P. 1-16; Last Judgment: The Visionary Biology of J. B. S. Haldane // Journal of the History of Biology V. 33, N. 3 (2000). P. 457–491.

поездки в Россию я фактически жил в одной из комнат просторной квартиры [Воронцова]. Воронцов был активным сторонником генетики в 1950-х и 1960-х годах, а его жена и коллега была дочерью Ляпунова, ведущего российского кибернетика! Я спросил у них о том, где можно найти архив Ляпунова: оказалось, что он находился в комнате, в которой я спал! И они дали мне разрешение работать с этими материалами, тщательно, как я хотел. Воронцов также помог организовать встречу с [генетиком и эволюционистом] Николаем Тимофеевым-Ресовским, которая была записана на пленку»⁸.

Марк дважды возвращался в Россию во время перестройки при Горбачеве, собирая материал о ленинградских генетиках Ф.Г. Добжанском, Ю.А. Филипченко и Н.И. Вавилове; возобновляя отношения с опытными историками науки Яковом Галлом и Эдуардом Колчинским; развивая тесные отношения с молодым поколением российских историков науки, особенно с двумя авторами «манифеста» о новой социальной истории советской науки Даниилом Александровым и Николаем Кременцовым. В сотрудничестве с историком Лореном Грэхэмом (Массачусетский технологический институт) он организовал для молодых российских ученых стажировку в ведущих центрах истории науки на Западе. Вместе с российскими коллегами, включая Михаила Коньшева, специалиста по наследию Добжанского, он организовал оживленную международную конференцию «Добжанский и эволюционный синтез», собравшую вместе экспертов по русскому и американскому периодам жизни Добжанского, спасая его от «забвения» на родной земле⁹.

Воспоминания и размышления

Я поступил в Пенсильванский университет в 1970 г., больше всего заинтересованный вопросом «Почему люди думают то, что они думают?». Альфред Рибер, мой наставник по истории России (моя вторая страсть), предложил мне познакомиться с молодым членом нового факультета истории и социологии науки, специальностью которого была история российской науки.

Итак, осенью 1972 г. я прослушал курс лекций Марка «Биология и общество». По-официальному одетый в пиджак с галстуком, формально стоящий перед аудиторией, но становясь все более оживленным и подвижным по мере развития материала лекции, он был увлекательным, интеллектуально завораживающим лектором. Марк представил пятьдесят минут захватывающей драмы — сложные научные вопросы, реальных людей с разными системами взглядов и интерпретациями (всегда трактуемых симметрично) и взаимоотношения всего этого с социально-культурным контекстом, — оставляя нас с увлекательными темами, предварительными выводами и провокационными открытыми вопросами. Именно здесь, я думал, был

⁸ Автобиография. Эти материалы, совместно с другими его статьями и рукописями сейчас переданы в «Собрание Марка Б. Адамса» в Американском Философском обществе в Филадельфии. В него вошли сотни бобин микрофильмированных, рукописей и записных книжек из частных архивов, а также аудиозаписи интервью с двумя центральными фигурами эволюционного синтеза: Н.В. Тимофеевым-Ресовским (10 часов, 1977) и Феодосием Добжанским (15 часов, 1979).

⁹ *Adams Mark B., ed., The Evolution of Theodosius Dobzhansky: Essays on His Life and Thought in Russia and America (Princeton: Princeton University Press, 1994).*

серьезный исторический подход к пониманию вопроса «Почему люди думают то, что они думают».

В следующем семестре я записался на семинар Марка для студентов и аспирантов по той же теме. Через несколько недель после начала занятий я нервно подошел к нему в его кабинете, чтобы обсудить тему работы. Он был готов для разговора со мной. Он извлек со своей книжной полки трехтомник «Сочинений» русского палеонтолога Владимира Ковалевского и демонстративно шмякнул книги на стол между нами. «Займитесь Ковалевским! Вы интересуетесь дарвинизмом — он был дарвинистом, прекрасным ученым и интересным человеком». Заметив, что все тома на русском языке, я напомнил ему, что изучал язык всего один семестр. «Вы правы, — ответил он, — вам понадобится хороший словарь. Я рекомендую Смирницкого».

Это было мое первое соприкосновение с «жесткой любовью» Марка, как я оценил его отношение ко мне. Задача казалась мне невозможной, но если он думал, что я смогу это сделать, вероятно, я действительно смогу. С моим ограниченным русским языком я часто останавливался в середине предложения текста, задаваясь вопросом, чем оно закончится, когда я найду незнакомые мне слова в словаре Смирницкого. Но в этом было и преимущество: я узнал пользу и удовлетворение от медленного, внимательного чтения текста. И Марка, похоже, не смущало, что я часто звонил ему (даже по вечерам и выходным), чтобы спросить о русском слове или загадочной интерпретации окаменевшего Мегатериума.

Он вернул мой законченный труд с сердечными поздравлениями и построчными комментариями, критикой и предложениями (многие из них касались стилистики), закончив некоторыми мыслями о том, «куда двигаться дальше?» Мы обсуждали все это час или два (к этому времени я был истощен, но не он), и я вышел из его кабинета с желанием стать историком науки. К тому времени, когда я закончил работу над Ковалевским, я уже работал с Марком в аспирантуре, счастливый бенефициар того же интенсивного общения с ним по поводу написанного мною и необходимой для прочтения литературы.

Он обладал необычайно быстрой реакцией, был пронизательным собеседником и синтетическим мыслителем — задавая вопросы, предлагая альтернативные интерпретации, связи и дальнейшее чтение. Он любил «писательское ремесло» и постоянно увещевал меня совершенствовать свою прозу. Разбирая мои неловкие фразы, он проводил меня через процесс редактирования и переработки. Еще пример «жесткой любви» Марка: после часа, который он посвятил тщательной критике одной из глав моей диссертации, он заметил (с дружелюбной улыбкой): «Дэн, ты проводишь прекрасную исследовательскую работу и глубоко обдумываешь свой материал — почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь понял, о чем ты говоришь?» (он был прав — я прятал свои интерпретации за длинными цитатами). Он был столь же прямолинеен — с радостным и сияющим лицом — когда речь шла об удачной фразе, или когда «ты меня чему-то научил» или «показал мне, что я был неправ». Он всегда с благодарностью, даже восторженно, отвечал на любую убедительную критику его собственных рукописей. Не имело значения ни кто написал черновик, ни то, что мы расходились в основных взглядах (на самом деле, так было даже лучше) — мы были вовлечены в захватывающий совместный процесс поиска «истины» (всегда с маленькой буквы).

Я не знаю, сколько студентов имеют такое очень интимное, волнующее, глубоко поучительное общение со своим научным руководителем. А для меня пере-

живание и усвоение этого опыта было краеугольным камнем для моего развития и становления как ученого и преподавателя.

Марк часто называл себя «противоположником» — и в этом, безусловно, есть доля правды. Он не доверял никаким авторитетам и никаким «авторитетным» взглядам, которые получают безоговорочное и неоспоримое признание среди ученых и в истории и в науке. Он любил задавать вопросы и опровергать «очевидное». Я думаю, однако, что главным качеством здесь было не желание противоречить, а, скорее, поразительная независимость и критическая непредубежденность. Как сказал его близкий друг и коллега Николай Кременцов: «Марк был той «редкой породой» ученых — подстрекателей, новаторов и сомневающих, всегда идущих своим путем. На протяжении всей своей карьеры он неизменно демонстрировал уникальную способность формулировать оригинальные вопросы и идеи по различным историческим темам, а также успешно бросать вызов устоявшимся историческим ортодоксальным взглядам и мифам»¹⁰.

Научная работа

Для Марка, как и для многих других, кто начал заниматься «Историей Науки» в 1960–70-х гг., «главным, что занимало и возбуждало интерес в нашей области знания», являлось понимание «сложных взаимосвязей между впечатляющими и прекрасными интеллектуальными достижениями науки, с одной стороны, и ее сложными социальными, политическими и культурными контекстами, с другой — влияниями времени и места в широком смысле». Он исследовал эту взаимосвязь, развивая и интегрируя темы в истории генетики и эволюционной теории, дискуссиях о врожденном/приобретенном и евгенике, отношениях науки и литературы, и истории российской (в первую очередь советской) науки.

Его подход включал в себя внимательное чтение научных текстов и детальный анализ учреждений, дисциплин, отдельных лиц и различных взаимодействующих элементов более широкого контекста. Его общая точка зрения была «эволюционной/экологической» в смысле острой чувствительности Дарвина к множественности факторов постоянно меняющегося взаимодействия в условиях конкретной, но изменяющейся среды, и к сложности и случайности результата. Эта модель выражается в описаниях Марком своих исторических действующих лиц использованием таких терминов как, например, «ниша», «конкуренция», «адаптация» и «защитная мимикрия».

Марк решительно отвергал любую экзотику в интерпретациях советского общества и науки, поэтому его исследования советской и западной науки были единым целым, в котором обе стороны постоянно обогащали друг друга. Что бы он ни анализировал — будь то анализ ленинской, сталинской или хрущевской России или науки, литературы и политики в жизни и творчестве Дж.Б.С. Холдейна; или эволюционного дискурса в Советском Союзе, США, Великобритании, Франции или Германии, он обращался к взаимодействию государственной политики, идей и идеологии, социальной структуры, индивидуальных интересов, дисциплины и системы связей /network/. Его анализ этих факторов был ясным, мощным, нюансированным и основанным на широкой сравнительной международной перспективе.

¹⁰ Личная беседа.

Здесь я могу лишь кратко коснуться его важного, поразительно оригинального вклада в три темы.

История российской и советской науки

Марк написал элегантные новаторские работы по истории генетики, евгеники, о дискуссиях о врожденном/приобретенном и о дарвинизме в России и Советском Союзе.¹¹ Я хочу выделить одну центральную, в высшей степени оригинальную тему, которая пронизывала их все: несмотря на особенности советской науки, ее динамика становилась понятной, если к ней применялись те же самые исторические подходы и категории, которые историками использовались для западной науки. Марк развил этот аргумент в связи с эпизодом, который, казалось, олицетворял противоположное: поддержку Лысенко государством и подавление генетики (1948–1965)¹².

Докторская диссертация и эссе Марка о советской генетике развили его открытие о том, что советская генетика продолжала существовать даже после триумфа Лысенко при явной поддержке Сталина в 1948 г. — и что она возродилась (хотя все еще официально была запрещена) в середине 1950-х гг. и поэтому быстро восстановилась после свержения Лысенко и официальной релегитимации в 1965–1966 гг. Это свидетельствовало о том, что, хотя официальная идеология, политика и репрессии, безусловно, играли важную роль (и генетика и генетики, очевидно, страдали), ни Советская академия наук, ни научное сообщество в целом не реагировали на официальное давление пассивным повиновением. Несмотря на официальное осуждение, «исследования в области генетики и молекулярной биологии проводились в различных учреждениях по всей академической системе многими из тех же биологов, которые были дискредитированы и потеряли свои рабочие места в 1948 году». Официально запрещенные, генетики «укрылись под защитой языка». «Такие термины, как "радиобиоло-

¹¹ См., напр., *Adams Mark B. The Politics of Human Heredity in the USSR, 1920–1940 // Genome* 31, no. 2 (1989). P. 879–884; *The Soviet Nature-Nurture Controversy in Graham Loren, ed., Science and the Soviet Social Order. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 94–138; Through the Looking Glass: The Evolution of Soviet Darwinism in Warren Leonard, Koprowski Hilary, eds., New Perspectives on Evolution/ New York: Wiley-Liss, 1991. P. 37–63; и предисловие редактора к книге: «The Evolution of Theodosius Dobzhansky» (1994).*

¹² *Genetics and the Soviet Scientific Community: 1948–1965* (докторская диссертация, Гарвардский университет, 1973); и, например, *Biology After Stalin: A Case Study (1977–1978) // Survey: A Journal of East and West Studies*, 102 (winter 1977–1978). P. 53–80; *From 'Gene Fund' to 'Gene Pool': On the Evolution of Evolutionary Language* в Coleman William, Limoges Camille, eds., *Studies in History of Biology*, vol. 3 (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1979). P. 241–285; *Science, Ideology, and Structure: The Kol'tsov Institute 1900–1970* в *Lubrano Linda, Solomon Susan, eds., The Social Context of Soviet Science. Boulder: Westview Press, 1980. P. 173–204; и много статей для словаря: Dictionary of Scientific Biography (1990) о советских биологах, включая Четверикова, Филипченко, Лысенко, Серебровского и Вавилова. Марк написал монографию «Science, Ideology, and Structure: Soviet Genetics, 1948–1965», в которой расширил свою докторскую диссертацию, используя архивные материалы, которые он собрал на протяжении 1970-х гг. Эту монографию приняли в печать в одном из ведущих академических издательств, но Марк признался одному близкому по духу коллеге, что он не пожелал сократить объем, как того требовал редактор, и потому отозвал рукопись. Полный текст рукописи находится среди его бумаг в личном архиве.*

гия”, “радиационная биофизика” и “физико-химическая биология”, служили своего рода защитной мимикрией, эвфемизмами для ортодоксальной генетики и молекулярной биологии». Влиятельные в институциональном отношении советские ученые — часто физики и химики, получившие престиж и финансирование из-за конкуренции с Западом во время холодной войны, а также математики, кибернетики и другие с исследовательскими интересами, которые пересекались с генетикой — вступили в сговор с целью создания защищенных институциональных ниш для своих преследуемых коллег-генетиков.

Таким образом, в контексте, созданном официальной политикой и идеологией, сохранялась важная роль учреждений, дисциплин, людей, риторики и неформальных систем связей /networks/. Для Марка динамика этого важного периода между Сталинской эпохой (с официальным осуждением генетики) и эпохой Брежнева (с ее официальным восстановлением) не только раскрывала советскую научную систему, но и, учитывая международную, сравнительную перспективу Марка и его противодействие экзотической характеристике советского образца, предлагала идеи для понимания науки в целом, и, особенно, Большой Науки, на Западе.

История евгеники

В то время, когда исследования истории евгеники в основном ограничивались США и Великобританией, Марк сыграл роль первопроходца в разработке гораздо более широкого, сравнительного подхода. Он запустил в ход этот проект на университетском семинаре по истории евгеники (1973), на котором потребовал от студентов написания исследовательских работ на не-англо-американские темы, и продолжил развивать его, организовав первую Международную конференцию по истории евгеники (1983) и опубликовав под своей редакцией книгу «The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia» (Oxford: Oxford University Press, 1990).¹³ В нее были включены его блестяще написанная глава «Евгеника в России в 1900–1940 годах» и провокационное заключительное эссе «К сравнительной истории евгеники». В последнем он развенчал некоторые из давно устоявшихся «неоспоримых» точек зрения: что евгеника была «единым, последовательным, главным образом, англо-американским движением, со специфическим набором общих целей и убеждений», что «менделизм был научной основой жесткого и пессимистического взгляда евгеники на генетическое будущее человека»; что евгеника была «по сути лженаукой»; и что она была политически «по существу правой или “реакционной”».

Глава Марка об истории русской евгеники, как и в его исследованиях по советской генетике, продемонстрировала, что даже в условиях разгара сталинизма советская наука не была монолитной и со всеми ее особенностями могла быть понята с использованием тех же самых терминов и аналитических рамок, которые историки использовали для изучения западной науки. Как и в случае с генетикой, он исследовал историю российской евгеники как серию адаптаций к изменяющимся обстоятельствам начиная от поздней царской России до 1920-х гг., до Культурной революции и Великого перелома сталинских времен. Евгеника была официально

¹³ Перевод названия: «Наука благородного происхождения: евгеника в Германии, Франции, Бразилии и России».

осуждена как «буржуазная, фашистская» наука, все связи между биологическими и социальными процессами были идеологически запрещены, и «буржуазные специалисты» подвергались показательным судебным процессам, — но, вместе с тем, сеть личных связей и интеллектуально-профессиональные интересы, лежащие в основе евгенического движения, оказались «удивительно устойчивыми и долговечными». Таким образом, евгеника смогла выжить и перегруппироваться под рубрикой «медицинская генетика» — и, как и генетика, возродилась в 1960-х гг. Политические и идеологические аспекты евгеники и генетики человека, по заключению Марка, «не высечены в камне, а являются исторически обусловленными, сформированными в очень специфических интеллектуальных и социальных условиях».

История современного эволюционного синтеза

Научная деятельность Марка буквально началась и закончилась историей «современного эволюционного синтеза»¹⁴. В начале своего пути он разделял общепринятое представление об этой истории, а, спустя десятилетия исследований и размышлений, закончил как ее мощный критик.

В Гарвардском университете Марк обучался биологии у Эрнста Майра, одного из главных создателей современного эволюционного синтеза, который также, как учитель и ученый, внес значительный вклад в историю эволюционной биологии¹⁵. Майр, другие центральные фигуры в синтезе и ведущие историки биологии определили центральную проблему теории Дарвина как интеграцию естественного отбора с теорией наследственной изменчивости. По их мнению, эта проблема была концептуально решена путем интеграции биометрии, менделизма и дарвинизма в новую область под названием «популяционная генетика». Таким образом, популяционная генетика послужила стержнем объединяющего синтеза биологических дисциплин (включая ботанику, эмбриологию, экологию, палеонтологию, систематику). Этот «эволюционный синтез» представлял собой широко разделяемую точку зрения, согласно которой «наблюдаемые эволюционные явления, в частности макроэволюционные процессы и видообразование», могут быть объяснены теми же «небольшими генетическими изменениями» и «упорядочиванием этой генетической изменчивости путем естественного отбора», которые определяли микроэволюцию на уровне подвидов/популяций¹⁶. Эта точка зрения была убедительно сформулирована в объемистом сборнике под названием «The Evolutionary Synthesis:

¹⁴ В своих ранних работах Марк обращался к синтезу как к самоочевидному историческому факту, но в поздних работах он ставил термин «синтез» в кавычки, чтобы показать свое отношение к этому определению как к проблеме, требующей решения.

¹⁵ См., напр., *Mayr Ernst*, *The Growth of Biological Thought: Diversity, Evolution and Inheritance*. Cambridge: Harvard University Press, 1982; и *Mayr Ernst, Provine William*, eds., *The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. К последней Майр написал вступительную статью на 48 страниц. За свой пожизненный вклад в историю биологии Майр получил в 1986 г. Медаль Джорджа Сартона от Общества истории науки.

¹⁶ *Mayr Ernst, Provine William*, eds., *The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P. 1.

Perspectives on the Unification of Biology (1980)¹⁷. Изданный под совместной редакцией Майра и историка Уильяма Провайна, он стал своего рода «Библией» для историков биологии.

Первые две статьи, написанные Марком, внесли русский компонент в эту историографическую перспективу. В статьях “The Founding of Population Genetics: Contributions of the Chetverikov School, 1924–1934” (Journal of the History of Biology 1 [1968]: 23–39) и “Towards a Synthesis: Population Concepts in Russian Evolutionary Thought, 1925–1935” (Journal of the History of Biology 3, no. 1 [1970]: 107–129), он объединил впечатляющий детальный анализ научной мысли с приверженностью парадигме, которую он усвоил в Гарвардском университете, — представив Четверикова как ключевую фигуру в «спасении» Дарвинизма популяционной генетикой и важным шагом на пути к формулирующемуся эволюционному синтезу.

Со временем, однако, Марк начал сомневаться в этой интерпритации. Уже в своей статье для тома Майра и Провайна 1980 г., придерживаясь общей парадигмы, он поднял вопрос о ее применимости к работам русских эволюционных морфологов Алексея Северцова и Ивана Шмальгаузена¹⁸. К концу 1980-х гг., занимаясь преподаванием и исследованиями, он постоянно читал и перечитывал классические эволюционные тексты. Он был лично хорошо знаком с тремя центральными фигурами современного синтеза — Эрнстом Майром, Феодосием Добжанским и Тимофеевым-Ресовским (а также с неопубликованной перепиской и рукописями двух последних). Он стал опытным экспертом в анализе научного дискурса (будь то генетика, дарвинизм или евгеника; российский или западный дискурс) в критическом, «экологическом» духе, который я описал.

В примерно десяти докладах перед аудиторией биологов и историков науки в США и Европе (1988–1989, 1994), а также в опубликованной статье на французском языке (1990) и неопубликованной рукописи на английском языке (1990) Марк подверг критике господствующий взгляд на историю современного «синтеза» (взгляд который он сам артикулировал и преподавал в течение многих лет) и предложил мощную альтернативу. Однако рукопись на английском языке осталась неопубликованной, и он переключился на другие интересы¹⁹.

Эти доклады и его неопубликованная, но широко распространившаяся среди специалистов рукопись, широко обсуждались, воодушевляя как биологов, не согласных с синтезом, так и историков, которые начали подвергать сомнению господствующую историографию. Среди первых был Ричард Делайл, который предложил Марку опубликовать его рукопись 1990 г. в несколько расширенной версии. Эта статья “Little Evolution, BIG Evolution: Rethinking the History of Darwinism,

¹⁷ Перевод названия: «Эволюционный синтез: перспективы объединения биологии».

¹⁸ Adams Mark B. Severtsov and Schmalhausen: Russian Morphology and the Evolutionary Synthesis в *Mayr Ernst, Provine William*, eds., *The Evolutionary Synthesis: Perspectives on the Unification of Biology*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P.193–225.

¹⁹ Adams Mark B. La génétique des populations était-elle une génétique évolutive? // *Histoire de la génétique* / Jean-Louis Fischer and W. H. Schneider, eds. Paris: A.R.P.E.M., 1990. P. 153–171; Рукопись: Adams Mark B. Little Evolution, Big Evolution: Rethinking the History of Population Genetics [1990] — в личном архиве Марка Б. Адамса.

Population Genetics, and the ‘Synthesis’” (2021)²⁰ — вот Марк Адамс в полном расцвете. В ней он применил те же самые подходы, которые он использовал для анализа советской генетики, евгеники и дарвинизма, чтобы бросить вызов доминирующему нарративу об историческом возникновении «современного эволюционного синтеза». Основываясь на внимательном прочтении Дарвина и других эволюционистов, он утверждал, что центральная проблема теории отбора заключается в демонстрации того, что те же самые механизмы, которые объясняют появление разновидностей (микроэволюция, «Малая эволюция»), могут также объяснить происхождение видов, родов, семейств, порядков и других высших таксонов (макроэволюция, «Большая эволюция») ²¹.

По Марку, эта проблема не была решена ни популяционной генетикой, ни современным «синтезом». В своем эссе он подробно разобрал способы, которыми ключевые фигуры в традиционных исторических работах о современном синтезе рассматривали эту связь между Малой/Большой эволюцией, включая основателей популяционной генетики (Фишера, Райта, Холдейна и Четверикова), различных важных сторонников и критиков теории Дарвина в двадцатом веке (Филипченко, Северцов, Гольдшмидт, Гайено), а также ведущих участников и сторонников современного синтеза (Добжанский, Хаксли, Майр и Симпсон).

Внимательно изучая «синтез» Микроэволюции и Макроэволюции ведущих апологетов современного синтеза, Марк находил их аргументы, мягко говоря, неубедительными. Например, цитируя заявление Добжанского в его классическом труде «Генетика и происхождение видов» о том, что «поскольку эволюция — это изменение в генетическом составе популяций, механизмы эволюции составляют проблемы популяционной генетики», — Марк иронично заметил: «Таким образом, одним прекрасном риторическим маневром он определил “эволюцию” как микроэволюционное изменение, а именно изменением в генетическом составе популяций; и затем он сделал смелое территориальное заявление по поводу новой научной области, которую он назвал “популяционной генетикой”, заявив, что она имеет главенствующее значение в изучении механизма эволюции. На этом основании в книге позже утверждалось, что проблема Происхождения Видов решена» ²².

В свете «неспособности синтеза разрешить проблему макроэволюции каким-либо логически или доказательно убедительным образом», заключал Марк, главный вопрос для историков заключается не в том, почему «синтез» был в значительной степени отвергнут во Франции и Германии, а скорее в том, почему он был принят в Великобритании, Америке и России. Он осторожно предложил несколько возможных вариантов. Например, в Соединенных Штатах религиозная оппозиция теории эволюции побудила ученых «преуменьшить свои сомнения по поводу макроэволюционного вопроса, чтобы защитить эволюционную биологию в целом». Плюс к тому, объеди-

²⁰ Перевод названия: «Маленькая эволюция, БОЛЬШАЯ эволюция: переосмысление истории дарвинизма, популяционной генетики и «синтеза».

²¹ Adams Mark B. Little Evolution, BIG Evolution: Rethinking the History of Darwinism, Population Genetics, and the ‘Synthesis’ в *Delisle Richard*, ed, Natural Selection: Revisiting its Explanatory Role in Evolutionary Biology. Springer, 2021. P. 195–229. Последние три страницы содержат «извинения» за задержку публикации.

²² Adams Mark B. Little Evolution, BIG Evolution ... P. 207. Схожий текстологический анализ риторики Майра см. на с. 216.

нение биологов вокруг популяционной генетики позволило им представить себя представителями «экспериментальной, математической, лабораторной дисциплины» в борьбе за финансирование и другие ресурсы в послевоенной Америке²³.

Марк, конечно, не утверждал, что опровергает силу естественного отбора или конкретных открытий какими-либо биологическими науками. Не будучи ни биологом, ни философом, он анализировал историю «синтеза» характерным для него интегральным историческим подходом, чтобы вскрыть слабость сложившейся общепринятой историографической традиции и побудить историков пересмотреть существующий взгляд на центральный вопрос истории биологии XIX–XXI вв.

Размышляя в последние годы о своей жизни, Марк говорил: «История науки была для меня идеальной профессией. Моим главным интересом всегда было понять мир (и вселенную!) как можно полнее, и эта профессия предоставила мне все возможности для этого... Теперь я понимаю, как же мне по-настоящему повезло, что мне предоставился шанс учиться, изучать и действительно знать и работать с таким количеством экстраординарных, интересных людей и возможность дополнить классический инструментарий историка (тексты, архивные материалы, записанные воспоминания) взятыми у них мною интервью и личным знанием этих людей как личностей и друзей»²⁴.

Марк Адамс — этот в высшей степени незаурядный, страстный и одаренный человек оставил богатое научное наследие, наполненное прозрениями и перспективами для историков науки. Его очень не хватает тем, кому посчастливилось знать его как учителя, мыслителя и друга.

Выражаю благодарность тем, кто поделился со мной воспоминаниями о Марке, и глубочайшую благодарность Николаю Кременцову, Иосифу Малину и Элеоноре Филипповой за неоценимую помощь в работе над этим эссе.

Mark Boyer Adams (1944–2024)

DANIEL TODES

Johns Hopkins University, Baltimore, USA; dtodes@jhmi.edu

An eloge for Mark Boyer Adams as teacher and scholar, with emphasis upon his creative, synthetic intellectual style and contributions to the history of Russian and Soviet science, the history of eugenics, and the history of the modern evolutionary synthesis.

Keywords: Mark Boyer Adams, Ernst Mayr, Everett Mendelsohn, history of Russian science, history of biology, history of genetics, history of eugenics, history of modern evolutionary synthesis.

²³ Там же. P. 216–221. Здесь Марк в привычной манере опирается на свое знание советской науки, чтобы интерпретировать социополитическую сторону реакции на «синтез» как на Западе, так и на Востоке. См. также его продолжение статьи “Little Evolution, BIG Evolution”, представляющее собой смесь воспоминаний и автобиографии, которую он закончил писать в последний месяц своей жизни: *Adams Mark B. The Evolution of ‘Darwinism’: Up Close and Personal* в *Delisle Richard et. al., eds., Unity and Disunity in Evolutionary Biology: Deconstructing Darwinism*. Springer, 2024. P. 83–121.

²⁴ Автобиография.